

АМУСИН АЛЕКСАНДР

16+

БРИЛЛИАНТЫ БЕРИИ

Александр Амусин
Бриллианты Берии

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Амусин А.

Бриллианты Берии / А. Амусин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Творчество волжского писателя Александра Амусина известно, прежде всего, в русской литературе глубокими исследованиями исторических пластов происходящих событий, культуры русского народа, сохранением истинного российского языка. В новом романе читатели узнают, как на самом деле жили и во имя чего (!?) погибли великие люди «тридцатых»: Иосиф Сталин, Зинаида Райх, Константин Станиславский, Карл (Всеволод) Мейерхольд Николай Вавилов и некоторые другие исторические персонажи, «создающие эпоху». Для кого и чего собирались тайные кладовые сокровищ Лаврентия Берии!

БРИЛЛИАНТЫ БЕРИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Тетёнчик

Вилена Прохоровна

Загадочные цветы

Алмазы Константина Станиславского

Первые выстрелы

В ожидании чуда

Станиславский, Берия, Мейерхольд и смерть

14 июля 1939 года. Зинаида Райх, Лаврентий Берия

Улыбка Эльвиры

Приговор для чёрного кота

Первый отблеск алмазов

Особая папка

Последняя любовь Иосифа Сталина

В кладбищенском мешке

Убийцы Сталина

Колодец пепла

Эхо Хрущёва

По уставу косых зеркал

Тайна старинных писем

В капкане совести

ТЕТЁНЧИК

Редко в одном человеке сочетаются бесцветные глаза, невыразительное лицо, привычка выглядеть неярко, неприметно, неряшливо, а в качестве эксклюзивного бонуса иметь глуховатый голос, похожий на сиплое дыхание больного ангиной, блёклые волосы. Сергея Петровича Рассадова, если он нахлобучивал мышинного цвета костюм, даже одинокого на тротуаре, сложно заметить. И не оттого, что облачение сливается с асфальтом. Увы, сам хозяин ростом чуть повыше урны для мусора, а его некогда чёрные волосы, так и не

удосужившись поседеть, остаются в промежуточном мутно-сером состоянии годами. Тенью тени, или, сокращённо, Тетёнчиком сочувственно прозвали сотрудники бухгалтерии кротко-короткого коллегу Рассадова. Впрочем, относились как к сломанному кустику под ногами – не затаптывали. Пробовали поначалу Акакием Акакиевичем наречь, но быстро поняли: Сергею Петровичу до гоголевского героя что ефрейтору до маршала. У Акакия Акакиевича мечта имелась, а у Рассадина только страх перед реальностью и нытьё запуганной особи.

– Работать надо, трудиться, всё остальное некогда! – бледнея, испуганно бубнил Рассадов, когда его по-приятельски приглашали отдохнуть на природе или в ночной клуб, – кому я нужен при своих масштабиках, дышу от сокращения до сокращения штатов. Вам хорошо, если уволят – в другом месте устройтесь, здоровые, крепкие, нормальные а я? Спасибо, отсюда пока не выперли, жалеют, понимают, не донимают...

Но ещё больше Тетёнчик съёживался, если доброхоты предлагали познакомиться с одинокой женщиной.

– И что с ней делать, кормить, одевать надо, а с моей лапотной зарплатой на меня, половинчатого, едва хватает, а вдруг детки заведутся да расти начнут?!

При слове «детки» его узенькие белёдые глазки, что видом, что размером напоминающие ноготки ребёнка, по-кошачьи расширились и вспы-

хивали зеленовато-мраморным колером, кривенькие губки выпрямлялись в надменной ухмылке, крохотный подбородок с ямочкой раздавался от размеров чайной ложечки до охватов столовой ложки, большие уши покрывались испариной.

– Да ты сам себя боишься! – возмущались сотрудники. – Сколько можно жить бобылём?

Тетёнчик съёживался до размеров грозного кукиша и, чуть не всхлипывая, огрызался:

– Ничего не понимаете! Только издеваетесь! Хорошая за меня не пойдёт, а никудышная, что грязь под когтями, да хоть валютой оберни в двести пять слоёв, жить не буду!

И так постоянно, пока в бухгалтерию не приняли новенькую.

Нет, не сказочную раскрасавицу с золотой косой, не утопающую в романтических грёзах наивную да юную очаровательную диву, а совершенно обыкновенную, выражаясь бухгалтерским языком, среднестатистическую дамочку. Роста нормального, волосами русая, сероглазая, обычный носик гармонирует с хорошеньким личиком, стандартная для её возраста фигурка

не отличается ни пышными формами, ни костлявым силуэтом. Да и одевается скромно, хотя и с очень большим вкусом. В ней нет ничего

притягивающего взгляды мужчин, но и ничего отталкивающего. Впервые увидев новенькую, местный донжуанчик Владик Воробьёв, скрывая зевоту, отвернулся, а женщины, утомлённые многолетним созерцанием друг друга, разочарованно уткнулись в бумаги. И только Тетёнчик, едва покосился на новенькую, испуганно дёрнулся, покраснел, чихнул и засуетился. Несколько

раз переключал бумагу с одного угла стола на другой, а потом обратно, носовым платком то монитор вытирал, то неожиданно выступивший пот на лобике и шейке. Весь день зачем-то постоянно вставал и приседал, а за полчаса до конца рабочего дня торопливо сложил бумаги в стол, вытянул головку, ссутулился и замер испуганной крысой перед прыжком, глядя на часы с кошачьими усами. Правда, этого никто не заметил, но когда Сергей Петрович первым выскочил из офиса, едва крохотная стрелка настенных ходиков уткнулась в цифру «6», некоторые из дам ойкнули. Не напрасно! Тетёнчик всегда уходил с работы последним. Всегда, но не сегодня! Не меньше подивились, когда на следующее утро Рассадов на службу не явился. И хотя главный бухгалтер успокоила, сообщив, что Сергей Петрович позвонил и впервые за многие годы попросился в отпуск за свой счёт, многие

в отделе задумались, поглядывая на новенькую.

Впрочем, их мрачные подозрения быстро улетучились, едва Тетёнчик предстал снова. В своём привычном тусклом костюмчике, сером с сиреневыми горошинками галстук, светло-коричневой рубашечке он явился, как

всегда, раньше всех, а ушёл позже. На новенькую поглядывал, ох и поглядывал, но увидеть, как при этом пылали глаза Тетёнчика, никому не пришлось, уж слишком он был маленького роста, совсем махонького.

Для того, чтобы заглянуть в глаза Тетёнчика, нужно было встать на колени.

ВИЛЕНА ПРОХОРОВНА

У каждого из нас своё время года. Один млеет, восторгаясь лучами знойного лета, другой наслаждается безупречной синью и чарующей глубиной апрельского неба, третий упивается величию снежных просторов, а у кого-то осенний багрянец будоражит сердце омытой дождями красотой. Есть и другие, для них весь год погода делится на холодную и тёплую, сухую и мокрую, ветреную и без... Вилена с детства недолюбливала всё, что находится за стенами её маленькой, но уютной квартирki. Истинная домоседка, она всему разнообразию природы предпочитала небольшой диванчик и мягкое кресло, вязальные спицы, мулине, самотканые ковры, икебану и книги... Как уверяла её мама Алевтина Дмитриевна Тамина, дочка и в школу бы не ходила, если бы та не находилась через дорогу, а в экономический университет поступила оттого, что до него ближе всего ехать.

Когда девочка выросла и сверстники стали приглашать на свидания, она отказывала, ссылаясь на «совершенно холодную» или «абсолютно жаркую» погоду. Матушка не выдержала, высказала, что с таким «климатическим» характером дочь никогда не выйдет замуж, но Вилена искренне возмутилась: «А зачем? Ты же меня одна вырастила! И что толку от твоего замужества?! Три дня улыбалась, чтобы всю жизнь проплакать?»

– Ну, положим, не три, – возразила матушка, но о замужестве с дочерью больше не говорила.

Вилена сама напомнила об этом для кого-то счастливом, а для кого-то печальном факте девичьей биографии. На пятом курсе вернулась домой с увесистым букетом белых роз, довольно поздно, хотя на улице бушевала метель, а мороз так разрисовал окна, что в них солнечному лучику протиснуться местечка не осталось. Заявила с порога:

– Мама, мне сегодня сделали предложение, и я должна дать ответ, кстати, не одному, а двоим.

У Таминой-старшей, чистящей картошку, первым нож из рук вывалился, а следом картофелина.

– И... и... это серьёзно?

Вилена пожалала плечами.

– Один точно козёл, а другой, похоже, не из общественного огорода, – снимая пальто и вязаную шаль, равнодушно ответила Вилена.

– Ты... это... надеюсь, так поздно, ну... не с этим, с общественно-огородным...

– Ой, мамочка, да нет, конечно! Я того уже три раза подальше отсылала. Упрямый до тупости. А этот... Другой. Я в троллейбусе в библиотеку ехала, а он ко мне и подошёл, и говорит, якобы давно за мной ходит, всё про меня знает, да подойти стеснялся. А сегодня решился, ему в командировку надо

длительную. В общем, заявил, что любит и всяко прочее и хочет... это... в общем, видеть меня своей женой и чтобы я дождалась. **Берии**

– Видеть?! Женой!

– Ну да! Так и сказал: видеть.

– Странно... И как зовут твоего «желающего видеть», куда уезжает, надолго?

Тамина-младшая задумалась, растерянно развела руками.

– А я забыла его спросить, как. А он и не сказал, а может, и говорил, только прослушала я.

– Не поняла? Он тебя называл по имени? Вы...вы... как вы общались?

Вилена улыбнулась.

– Обыкновенно. Виленой. Он спрашивал, – отвечала я. Он рассказывал, – слушала я. На концерт пригласил. В театре «Песняры» выступали.

– И ты пошла?

– Конечно. А куда деваться? Он в троллейбусе мне два билета в карман сунул, сказал, на работу надо, срочно, по делам. Попросил через час дожидаться в вестибюле театра перед началом концерта. А сам сошёл на остановке, возле издательства, а в библиотеку поехала я.

Вилена смолкла, подошла к окну, мечтательно разглядывая узоры на стекле. Мать подняла нож, машинально зажгла газовую плиту, поставила на неё пластмассовую миску с нечищенной картошкой. Моментально запахло горелым пластиком.

– Мама! Ты что?! Мама!

Плиту отчищали вдвоём, мать дрожащими руками, а Вилена весело досказывая:

– В общем, пошла на этот концерт, мама, пошла. Да и «Песняров» стало жалко, не каждый день в наш город заезжают. Меня не увидят. А он

уже там, с цветами дожидается.

– Это тот, который не с огорода и которого ты имени не знаешь? – уточнила Алевтина Дмитриевна.

– Тот. В общем, послушали концерт, хороший, сердечный, а потом в кафешку пригласил, но не согласилась я.

– Понятно, правильно, нечего со всякими первыми встречаемыми... И ты домой поехала?

– Ну, во-первых, не одна. И не поехала, а пошли.

Мать ошеломлённо взглянула вначале на дочь, затем на окно.

– И вы через эту метель пешком? Почти через весь город, да тебя в погожий день-то через дорогу перейти не выго...

– Мама, какая метель?! Ветер, снег, всё как обычно. Не тепло, но и не холодно. Он о музыке рассказывал, про ребят из «Песняров», про ансамбли разные, стихи читал, которые песнями стали, интересно.

– Ну, предположим. Как зовут его, ты не знаешь, а откуда, кем работает, куда уезжает, выяснила?

– Мама, а зачем? Какая разница?! Его слушала я! Просто слушала.

Вилена подошла к букету, развернула.

– Ты не представляешь, мама, какой у него красивый голос, бархатный, как эти розы, словно мелодией сердце обнимает.

Мать обречённо опустила на стул.

– Понятно, Виленочка, есть подозрение, что ты действительно влю... увлеклась, коли про сердце с мелодией вспомнила.

– Мама, не говори глупостей! Завтра к нему на свидание не пойду.

– Почему?

– Если всё, что наговорил, нешуточно, после командировки доскажет и докажет.

– Не ходи, тебе решать. Но он, может, и сам к нам... Он тебя провожал до дома...

Лицо Вилены потускнело, она прижала к себе цветы и снова подошла к окну.

– Понимаешь, мама, нет. Вон там, у светофора, какая-то иномарка остановилась, дорогая, из этих, из джипов громадных. Из неё карлик вы-

плюхнулся, уродец редкостный, с какой-то высоченной симпатичной блондинкой, так этот, с бархатным голосом, едва машину увидел, только и прошептал: «Прости, до завтра», – и скрылся.

– А урод?

– А что урод? В магазин упрыгал с девицей, я домой поспешила. Вот и всё.

– Так, не было печали – черти накачали, не было беды – бесы помогли! – прошептала мать. – А тебе не кажется всё это очень странным? Вилена взяла ножницы, подрезала стебли роз, всхлипнув, поставила цветы в вазу.

– Кажется, мама, ещё как кажется. Как увидела этого получеловечка, сердце точно этими ножницами полоснуло. Такой чернотой от него повеяло. Мне показалось, даже снег вокруг меня почернел. А холодом-то повеяло, холодом, как из могилы.

ЗАГАДОЧНЫЕ ЦВЕТЫ

Если бы сегодня Вилене сказали, что ручеёк разлился океаном, а море высохло до размеров жалкой лужицы, она бы и внимания не обратила. До дома по высохшему дну морскому прошла бы, не оборачиваясь ни на галеры древних римлян, набитые золотом и жемчугом, ни на пузатые испанские га-

леоны, истекающие пиастрами, ни на многоэтажные железные эсминцы и крейсера. Да что вековой флот! Грозовой ливень, безжалостно терзающий вечерний город озлобленными молниями и безмерными ледяными упругими потоками воды, стал для девушки в тоненькой курточке с миниатюрным капюшончиком не более чем шелковистым бризом. Без зонтика, торопливо обходя лужи, она спешила на вокзал. И ничто не могло её остановить! И никто! Вилене спешила на свидание!

Больше месяца не появлялся незнакомец. Но каждое утро кто-то звонил в дверь квартиры, оставлял на пороге цветы и... исчезал. Ни записки, ни открытки, ни телеграммы. Только цветы, и всегда разные. Однажды матушка, разглядывая очередной букет, решила заглянуть в толстый женский журнал. Полистав его, задумчиво произнесла: – Виленочка, ты погляди, на что знающие флористы нам намекают. Не хмурься, почитай, задумайся. Да не фантазирую я, вникни, о чём написано! «Букет розово-белых роз означает: «Я буду любить тебя вечно». Цветы розового цвета прекрасно подойдут для признания в любви юной девушке, они не заденут её скромность и не вы-

зовут осуждения даже со стороны самых строгих родителей».

Алевтина Дмитриевна посмотрела на себя в зеркало, поправила причёску и, медленно проговаривая каждое слово, продолжила: «Белые розы подчёркивают веру избраннице. В противоположность красным, они олицетворяют чистую любовь, постоянную и более крепкую, чем смерть».

Мать покосилась на равнодушно вытирающую посуду дочь.

– Виленочка, помнишь, какой первый букет мы обнаружили? Бело-розовые цветы в окружении розовых и белых роз.

– Мама, это случайность, совпадение, а ещё проще – твои придумки.

– Может, и выдумки. Только смотри, что получается. Второй букет составлен полностью из гладиолусов. А теперь цитирую мудрецов-цветоводов: «Гладиолус символизирует верность слову,

надёжность, искренность, силу характера. А также постоянство чувств и серьёзность намерений». Потом, если не забыла, были пионы, те, что в вазе у телевизора. Прислушайся: «Эти цветы несут заряд положительной энергии. Ассоциируются с отличными перспективами, удачливым времяпрепровождением, радостью и устремлённостью в будущее. Считается, что они приносят счастье».

– Мамочка, не сходи с ума!

– Ничего страшного, под твоим чутким наблюдением можно, – щёки у Алевтины Дмитриевны порозовели, глаза засияли лукавыми огоньками. – Итак, напоминаю, четвёртую композицию преподнесли из лилий. Перевожу. «Букет из этих цветов свидетельствует, что мужчина восхищается данной девушкой или женщиной. Лилии – символ нежности, верности и безоблачного счастья. Их волшебный аромат улучшает настроение и дарит ощущение праздника».

– Угу, улучшает! – недовольно пробормотала Вилене. – Лучше бы улучшатель сам явился и объяснился. А то засыпал молчальниками, ставить некуда.

– Ну, не такая уж эта красота и молчаливая, доченька. Тюльпаны, согласно цветочному этикету, – «одни из наиболее изысканных цветов, являются главным символом надежды, молодости и весны. Турецкие женщины уверены, что букет тюльпанов привлекает внимание избранника, зажигает его сердце любовью и наполняет желанием срочно покинуть ряды холостяков». Вот так-то. Вилена, дальше, кажется, были астры. Так вот,

доченька, читаю, эти цветы говорят о следующем: «Оторви взгляд от земли, перестань смотреть под ноги, посмотри на небо». Предлагают «возвыситься-

ся над повседневностью, быть не слишком прагматичной, жить чувствами и интуицией».

– Ага. А потом приволокли ромашки обыкновенные. Деньги кончились, вот и наварал вдоль дороги или... Хорошо ещё подсолнухи не подсунул.

– При чём тут деньги, Виленочка? Скромный букетик из этих цветов говорит: «Жизнь прекрасна, тебя в ней ожидает много счастья». Кстати, о подсолнухах, вдумайся, что умные люди советуют. Этот солнечный цветок – главный символ оптимизма, веселья и благополучия. На языке цветов букет подсолнухов, подаренный девушке, означает: «Ты – чудо! Я никогда не встречал такой, как ты. Я горжусь тем, что ты со мной».

– Ну хорошо, хорошо! Предположим, мама, ты права. С умыслом цветочки посылает, – раскладывая посуду в кухонном шкафу, согласилась Вилена, – только хороший цветок и говорит о хорошем. Но васильки-то зачем, кувшинки речные и всякое прочее разнотравье луговое тащить? Ведь за ними из города ехать надо в поля, на речки, куда-то плыть... Не проще ли купить за углом нормальные, чем выпендриваться и сенокосить!

– Глупенькая! Васильки преподносят, чтобы «подчеркнуть верность, постоянство и оптимизм в отношениях». Кувшинку «в древние времена называли русалочьим цветком. Если девушка получала этот цветок в подарок, это означало, что красавица свела с ума парня и он больше не в силах противиться её чарам». Анютины глазки говорят о том, что влюблённый живёт воспоминаниями. Маргаритки – он испытывает к тебе нежность и беззаветную любовь. О чём сообщают незабудки, и переводить не надо. А ты – «луга», «сенокос»... Глупенькая. Вот орхидею вчера принесли, знаешь, в чём её сила? Она символизирует великолепие,

красоту, утончённость того, кому дарят.

– Ой, мама, надоели мне его символы. Любые цветы приятны, если их из рук в руки, глаза в глаза. А мне... Презенты под дверью от призрака. Не хочу такой милости. Не желаю! Хоть бы писульку какую между листочков втиснул. Вроде грамотным притворялся, в театр водил. Завтра же все его намёки в мусорку и без комментариев. Всё! Пусть знает: и у нас есть гордость, гербарием не забросает сердце...

Мать улыбнулась.

– И у тебя рука подымится?

– Почему у меня? У тебя!

– А я-то здесь при?..

– Как?! Над чьей дочерью измываются? Над твоей. Должен меня кто-то защитить, если отца нет? Должен. Вот и взываю к ближнему...

Алевтина Дмитриевна, улыбаясь, обвела взглядом редкого нежно-голубого цвета волнистые хризантемы, величественные ирисы, хрупкие фиалки, томные розы, пышные пионы...

– Эх, Виленочка, Виленочка, цветы – слова души. Не докричатся ему, похоже, до тебя ни розами, ни голосом. А знаешь, твой отец даже ли-

сточка дубового мне не пожаловал. Видно, сердцем сказать совсем было нечего. Словам цветочным поверила, а их только на полгода и хватило...

АЛМАЗЫ КОНСТАНТИНА СТАНИСЛАВСКОГО

Вилена не опоздала. Пришла намного раньше и остановилась у входа. Она с нетерпением глядявалась то в огромное чёрное табло с багрово-алыми цифрами и буквами, по которому

слезами растекался ливень, то в лица недовольных пассажиров, отряхивающих зонты и поругивающих погоду.

– Видно, время моё оплакивает небо! – невольно усмехнулась своим мыслям девушка, глядя, как капельки дождя, разбиваясь о стекло над циферблатом, цепляются за кровавый отсвет цифр и медленно сползают, опадая на асфальт. – А может, и его тоже. Или наше. И чего он прячется?

Ни писем, ни звонков. Цветы, цветы, словно памятнику, а я живая! Я...

– Замёрзла, промокла? – он появился перед ней настолько неожиданно, что, услышав его чарующий голос, Вилена испуганно ойкнула.

– Я?! Всё нормально! Ты, ты как? Куда исчез? Что за партизанщина?

– Придёт время – расскажу. Вместе посмеёмся. Всё в контурах ехидной судьбы и неприглядного закона.

Парень говорил спокойно, улыбаясь, но Вилена заметила, как он осторожно и тревожно оглядывается.

– Вилена, ты меня сегодня ни о чём не расспрашивай, объяснять слишком долго, иначе не поймёшь правильно, а я спешу, очень, поезд через три минуты отходит.

Озираясь, парень быстро, почти незаметно вынул из-за пазухи небольшую коробочку, завернутую в чёрно-белый пакет, и ловко засунул в сумочку девушке. – Спрячь, это тебе. Там же и письмо. Прочитай дома. А сейчас, прости, поезд, опаздываю. Всё будет хорошо, слышишь!

Он развернулся, чтобы убежать, но Вилена ухватила его за рукав куртки.

– Нет, не слышу. Никуда ты не ускользнёшь, пока не скажешь, как зовут.

– И всё? Других вопросов нет?

– Вернёшься, наверстаю.

– Михаил.

– Понятно. Просьбу можно?

– О чём ни попросишь, землю переверну.

– Землю не надо, пожалей человечество и меня. Так вот, с сегодняшнего дня никаких цветов у двери, пока перед мамой не предстанешь лично. Тогда можешь хоть с самосвалом роз и пионов.

– Я! У двери? Цветы? Ты ничего не путаешь? Может, за тобой ещё кто пытается ухаживать? Но я к растениям никакого отношения не имею! Меня в городе больше месяца не было. – Михаил взял её руку, приподнял, поцеловал. При этом его голос, лицо были так же спокойны, как и минуту

назад. – Я действительно не находился в городе больше месяца, поверь!

– Странно! Но у меня никого, кроме тебя, никогда не было, и...

Михаил снова поцеловал её руку.

– Спасибо!

Не дожидаясь, что ответит Вилена, он стремительно выскочил на перрон и прыгнул в медленно раскачивающийся вагон. Вилена поспешила за ним.

– Москва – Свердловск, – ошеломлённо прошептала Вилена, прочитав несколько раз табличку на вагоне, – Свердловск – Москва, а ведь он...

оттуда, туда... а кто... цветы... кто...

Едва поезд скрылся в серой пелене дождя, Вилена спряталась в здании вокзала. Выходить на улицу не хотелось. И хотя ливень неожиданно стих, изредка напоминая о себе случайными каплями, но и они раздражали Вилену, казались ледышками, нацеленными в её сердце, пронизанное от волнения сотнями раскалённых искорок. Прижав сумку к груди, она направилась к выходу и замерла. Прямо на неё ковылял, ухмыляясь, маленький уродец. Теперь рядом с ним плыла не блондинка, а чем-то похожая на цыганку брюнетка. Поравнявшись с Виленой, уродец остановился, поднял высоко руку, делая вид, что рассматривает стрелки на часах, а сам

жадным взглядом, словно ощупывая пальцами, впился в выпуклости на Вилениной сумочке. Вилена испуганно напряглась, готовая в любую секунду завопить и броситься к двери с табличкой «Транспортная

милиция», но уродец, заметив, куда она смотрит, по-свинячьи несколько раз взвизгнул, а может, просто по-своему прохихикал, опустил руку и заковылял дальше. Усаживаясь в чёрный джип, он обернулся и с такой ненавистью посмотрел на оцепеневшую от страха девушку и на её сумочку,

что Вилена попятилась и, не понимая зачем, поспешила к билетным кассам.

И только дома, вытряхнув из пакета небольшую шкатулку и раскрыв её, Вилена поняла, что пытался разглядеть уродец в очертаниях её сумки. Ларец почти доверху был наполнен необработанными, довольно крупными, редкой чистоты алмазами. В записке, которая лежала на дне, девушка прочитала: «Вилене Таминой! Сердце, это не пирит и не цирконий и тем более не розыгрыш. Это настоящие алмазы. Они твои. Если через три месяца не вернусь – мои дела плохи, но я выкарабкаюсь. Прости за столь странные

отношения между нами, но по-иному не получается. Я люблю тебя, давно, искренне, а это крошечное доказательство непритворности моих чувств.

Если сможешь дождаться – дождись. Твой и только твой М.»

Тамина-старшая, увидев сверкающую радугу на столе, совершенно не удивилась, что изумило и насторожило Вилену.

– Так, насколько я понимаю, подарки от Станиславского! – иронически прокомментировала мать, глядя, как дочь испуганно и ошеломлённо взирает на рассыпанное по столу богатство.

– Мамочка, не ёрничай. Это не стекляшки для декораций из МХАТа. Это настоящие алмазы! Понимаешь, настоящие!

– А я и не возражаю, и даже не сомневаюсь. Видишь ли, доченька, насколько я знаю от своих родителей, первый цех алмазного инструмента в

России был создан на исходе позапрошлого века именно Константином Сергеевичем Алексеевым, которого ты знаешь под фамилией Станиславский.

Да, доченька, именно бывший фабрикант стал всемирно известным режиссёром и реформатором театра, зачинателем науки о сценическом искусстве и, как ты правильно вспомнила, одним из создателей Московского художественного театра, который все знали как МХАТ СССР имени Горького.

– Ну и что? Мама, а ты ничего не путаешь, эпохи например?

– Нет, Виленочка, нет. Послушай кандидата исторических наук, и ты поймёшь, как всё в мире просто.

Вилена нахмурилась.

– Ой, мама, я и забыла, что ты у меня без пяти минут профессор.

– Без семи. Слушай, а не ёрничай. В Москве, около Таганской площади, на улице Большая Коммунистическая, которую от рождения величали Большой Алексеевской, кажется, под номером двадцать девять стоит старинный особняк с изумительными колоннами и двумя крыльями, окаймляющими большой двор. Именно в нём, почти сохранившем до наших дней свой первозданный облик, в семье коммерции советника Сергея Владимировича Алексева пятого января, а по старому стилю семнадцатого, в 1863 году и родился Константин Сергеевич.

– Мама, я не поняла, ты собираешься прочитать мне лекцию про театр и... Вообще-то мы не в универе, и я не твоя студентка. Я хочу понять, почему ты мгновенно решила, что именно эти алмазы связаны с его именем?

– Не торопись, Виленочка, с выводами, мы ещё до фактов не добрались. Как это ни парадоксально и ни печально, но судьба этого человека тесно переплетена и с нашей семьёй.

– Ты это серьёзно, мама?! Странные ассоциации у тебя вызвали эти алмазы.

– А у меня твоё неожиданное знакомство с владельцем этих сокровищ. И у меня появились серьёзные основания для подозрений. Серьёзнее всех странностей на свете. Так вот, позволь, продолжу. Неподалёку от дома, где родился маленький Константин, находится одно из старейших

столичных предприятий – завод «Электропровод». Его история начинается с основанной в 1785 году купцом Семёном Алексеевым фабрики так называемого «волоченного и плащенного золота и серебра», выпускавшей на рынок тонкую и тончайшую проволоку, золотые и серебряные нити. Проще сказать, производили шёлковые нитки, обвитые плоской проволокой, и тоненькую витую проволоку, которую называли канитель. Улыбаешься, догадалась, откуда пошло словечко «канительница»?

– Не совсем. «Канитель» вроде слово французское, означает – тонкая нить, позолоченная или посеребрённая, её в золотошвейном деле для расшивания узоров использовали. Изготовить трудов кропотливых стоило. А мы употребляем это слово совсем в ином смысле, для бестолочей и... Да и ты

сейчас, можно сказать, каните...

– Виленочка, обойдёмся без изысков старинной речи. Ты права, выражение «тянуть канитель» получило переносное значение – напрасно время терять, делать что-то нудное, затяжное. Но ведь примерно такой смысл имеет и выражение «волынку тянуть», хотя волынка вовсе не золотая нить, а музыкальный инструмент. Пути создания русского языка неисповедимы. Но вернёмся к Станиславскому, замечу, он был одним из лучших канительщиков своего времени. Да, канительщиков! Фабрика, про которую я тебе говорила, в 1812 году во время войны с Наполеоном сгорела, и прадед Константина Сергеевича, Семён Алексеев построил новые корпуса именно

на том месте, где сейчас находится кабельный завод «Электропровод». Кстати, в Москве прошлого века производство канители было очень популярно. В городе насчитывалось свыше двадцати золотоканительных фабрик. А самой крупной из них считалась фабрика, принадлежавшая торговому и промышленному товариществу «Владимир Алексеев», которым в то время руководил отец Константина Сергеевича.

– Мама, а ты не увлеклась? Что-то тебя потянуло к истории столетней давности. Можно проще, скажи, откуда...

– Дослушай, дослушай. Чуток осталось. Видишь ли, учиться будущий режиссёр не любил, если не сказать больше. Да и преподаватели не

слишком жаловали будущего корифея театра, считая откровенно туповатым и ленивым. Впрочем, с хорошими учителями и в прошлом веке была напряжёнка. Не разглядели гения, не разглядели. С трудом потерпев семь классов, бедняге предложили поискать другое занятие. Естественно, отец

сжалился и взял отпрыска на службу в контору золотоканительной фабрики. Но и здесь лирическая душа не спелась с канителью. Конторская деятельность показалась Константину унылой, монотонной и даже бесполезной. Его увлекала техника, станки и вообще всё, что было связано непосредственно с технологическим процессом. Но посвятить себя конкретному производству он смог лишь после назначения его директором. Не слишком ему доверяли, молодому. Но, получив статус хозяина, Константин Сергеевич с большой энергией взялся за усовершенствование производства. Однако на этом поприще ему пришлось столкнуться

с серьёзными трудностями. Годы, совпавшие с его приходом на фабрику, выражаясь современным языком, были периодом застоя в золотоканительном производстве. Впрочем, тогда многие отечественные предприятия работали на устаревшем оборудовании, вековыми дедовскими методами.

Как рассказывали мои родители, чтобы эффективно воздействовать на производство, обновить, использовать новые технические идеи, приходилось

как можно быстрее разбираться в существующих разнообразных и довольно сложных технологиях. И Константин Сергеевич был вынужден допоздна задерживаться в задымлённых, пропахших машинным маслом цехах, знакомиться с устройством машин, технологическими процессами.

– Мама, а ты не увлеклась? Квартирка здесь не зальчик лекционный!

– Не увлеклась, торопыга, слушай. Лучшими его учителями здесь были старые мастера и рабочие. Инженеров на фабрике тогда не было. А среди мастеровых одним из первейших своих помощников Станиславский признавал твоего прадеда Арсения Семёновича Тамина. Именно благодаря ему он понял истинную мощь и одновременно отсталость производства, отважился полностью преобразовать цеха. Молодой хозяин выехал за границу для знакомства с постановкой золотоканительного дела на фабриках Западной Европы. И вот однажды он написал прадеду: «Я купил

машину, которая сразу тянет товар через 14 алмазов. Другими словами: с одного конца машины идёт очень толстая проволока, а с другого выходит совершенно готовая... Очень этим доволен и надеюсь, что по приезду мне удастся поставить золотоканительное дело так, как оно поставлено за границей».

– Мама, никогда не предполагала, какая в тебе зануда прячется.

– Может быть. Все одинокие женщины посвящают себя чему-то. Одни заводят собак и кошек, другие любовников. Я жизнь посвятила тебе и

тётке Истории Исторьевне. Так вот, продолжаю. А ты терпи!

Предприимчивые фабриканты золотоканительных изделий уже в то время поняли, что единственным материалом для волок, способным противостоять

разрушающему действию движущейся металлической проволоки, является алмаз. Именно алмазы, о которых шла речь в письме Станиславского, а

точнее, алмазные волокна представляли собой заключённые в специальные оправы кристаллы с отверстиями заданного диаметра. А закупленная

Константином Сергеевичем машина состояла из четырнадцати последовательно расположенных алмазных волок со всё уменьшающимися отверстиями. Это был волоочильный станок многократного действия – последнее слово техники того времени. Уразумела? Так вот. Станиславский не ограничился установкой чужеземной машины. В то время их производство было монополизировано и находилось в руках зарубежных компаний. Работая на привозном инструменте, российские предприятия, естественно, находились в полной зависимости от иностранных фирм. И Станиславский принимает весьма смелое для того времени решение – организовать производство алмазных волок непосредственно на фабрике. Так в 1894 году был создан первый в России цех алмазного инструмента – алмазных волок. А помогал ему мой дед и твой прадед Арсений Семёнович. Вот так-то, Виленочка. Теперь поняла, почему, глядя на твой богатства, я про Станиславского, а точнее, про нашего прадеда вспомнила?!

Вилена нахмурилась.

– Предположим. Но один век прошёл, другой закончился. Третье тысячелетие началось. Миша здесь при чём? И эти драгоценности. Да ладно

бы только он. Мама, я на вокзале снова встретила уродца, который испугал Мишу.

– Уродца на вокзале?! Ты мне ничего об этом не рассказывала.

– Правильно. А ты хоть слово дала вставить?

Лекцию закатила, в театральном институте такого не услышишь.

– Кстати, она ещё не закончилась. Самое любопытное поведать во втором действии. А пока у меня антракт, теперь тебя слушаю. Что случилось?

– Да вроде ничего страшного. Хотя... Понимаешь, мама, позвонил тот, с кем я в театр ходила. Теперь выяснилось, что его зовут Михаилом. Так вот, попросил срочно на вокзал приехать. Я и не спрашивала, зачем. Надо, значит, надо! Прибежала. А он только и успел мне передать свёрток, в котором была шкатулка, наполненная этими алмазами, и записка. А потом в поезд запрыгнул Москва – Свердловск. Всё. Когда из вокзала выходила, уродца встретила, он так на меня посмотрел, мама, он так на меня смотрел, как спичка горящая на сухой стог сена.

– Думаешь, следит за Михаилом?

– Не знаю, просто не верю в случайности. И ещё, мама, новость номер два: Михаила больше месяца в городе не было. Так что кто забавлялся с цветами возле нашей двери, я тоже не понимаю.

– Забавлялся? У двери?

Тамина-старшая насторожённо обернулась, приложила палец к губам, прислушиваясь к тому, что происходит за стеной, и на цыпочках подошла к

двери, бесшумно медленно-медленно повернула ключ и резко распахнула. Кто-то вскрикнул, охнул. Послышались шаги и шум убегающего человека. Алевтина Дмитриевна замерла и вдруг, схватив швабру, стоящую в коридоре, ринулась следом. Вилена бросилась к двери, остановилась, подбежала к кухонному шкафу, взяла нож, отшвырнула, ухватила скалку и кинулась вдогонку за матерью. Но как они ни старались, выскочив на улицу, никого не обнаружили. Молча постояв немного и озираясь, вернулись домой и обе застыли от ужаса – алмазов на столе не было. Ни одного.

Исчезла и шкатулка. И только пакет с чёрно-белыми полосками, разодранный в клочья, валялся под столом.

– Ну, вот и прекрасно! – неожиданно усмехнулась Алевтина Дмитриевна. – Будем считать, что нам крупно повезло. Обворовали без кровопролития. Надеюсь, теперь не придётся прятаться от охотников за алмазами далеко и долго.

ПЕРВЫЕ ВЫСТРЕЛЫ

Михаил тоже заметил уродца. Вспрыгнул на подножку вагона отходящего поезда, схватился за поручни и, повиснув над перроном, долго наблюдал за изумлённой Виленой. И только когда разъярённая проводница, прекратив вежливо увещевать, схватила его за шиворот рубахи и потянула в тамбур, Михаил заметил карлика. Раздумывать было некогда. Стремительно юркнул в купе, собрал заранее приготовленные для такой ситуации вещи и под вопли взбешённой хозяйки вагона успел выскочить на перрон.

Он не видел, как уходила Вилена, не видел, как за ней, прячась между прохожими, семенили укутанные в одинаковые серые плащи цыганята.

Предчувствуя недоброе, Михаил остановил такси и поехал к дому девушки.

Он успел заметить, как мальчишка, облачённый в плащ явно не по его размеру, прикрывая чёрной вязаной шапочкой больше половины

лица, выскочил из подъезда. В руке пацанёнка разглядел знакомую шкатулку. Михаил не знал, что произошло в квартире у Вилены, поэтому в

первое мгновение оторопел при виде шкатулки, но опомнился и побежал за пареньком. А тот, стрижом обогнув дом, буквально полетел к чёр-

ному джипу, припаркованному у покосившегося заборчика старенького невзрачного здания с выбитыми окнами.

– Выследил, сморчок недоношенный, – зло процедил Михаил, взглянув на номера машины, и ринулся наперерез мальчугану. Тот не сразу сообразил, что происходит, а когда попытался увернуться от набросившегося на него Михаила, неуклюже кувыркнулся ему под ноги. Михаил наклонился, обрадовался, что замок на крышке оказался цепким, поднял шкатулку, схватил похитителя за ухо. Кивнув в сторону машины, яростно сквозь зубы процедил:

– Это уродец тебя послал?

Мальчишка открыл рот, пытаясь ответить, но его глаза неожиданно испуганно расширились, ойкнув, плаксиво застонал:

– Не бей меня, дяденька, пожалиста, не бей! Это он, он отнял, он! Он сам отнял!

Михаил резко обернулся. За его спиной стоял карлик. Надменно ухмыляясь, он достал крохотный пистолетик. Заговорил вкрадчиво, будто сожалея о причинённом беспокойстве:

– Да, это я, дорогой Михаил свет Сергеевич Галицин. Опять я вмешался, самолично попросил, и опять без должного уважения к вашему благородству и традициям старинного рода. Надеюсь, сегодня мы обязательно поймём друг друга?

Уродец направил пистолетик на Галицина и вдруг рывкнул так, что паренёк побледнел и машинально заслониł лицо.

– Нельзя детишек обкрадывать, верни пацану добычу!

Михаил отпустил ухо паренька, выпрямился.

Поглаживая шкатулочку, словно котёнка, и покачивая головой, шагнул к уродцу. Тот, не опуская пистолетика, ухмыльнулся, но попятился.

– Стоять! И без эксцессов! Я твоих высокородных мозгов жалеть не стану! – снова гаркнул так, что мальчишка пугливо съёжился.

– Напугали, ваше высочество, ой как напугали! Неудобное место для страшилок выбрали. Вы посмотрите, сколько свидетелей вокруг! При ваших особых приметах что вычислить, что найти вас – часа достаточно!

Уродец только на мгновение покосился в сторону отползающего цыганёнка. Но этого хватило, чтобы Галицин в прыжке молниеносным ударом

ноги выбил из его рук оружие. Карлик взвизгнул фальцетом, согнулся от боли, замахал зашибленной рукой, заюлил, хватаясь здоровой рукой за

живот. Михаил и не заметил, как, откуда в его ладони появился ещё один пистолетик, чуть побольше первого.

– Тварь! – завопил лилипутный. – Надоел! Сколько терпеть можно! Убью, мразь!

Первый выстрел застал Михаила врасплох. Он замер, поражаясь боли, пронзившей плечо, необычному грохоту, исходившему от маленького чело-

вечка. Вторая пуля, разодрав штанину, вонзилась рядом с цыганёнком. Третий раз выпалить карлику не удалось. От мощного удара между ног он взлетел над тротуаром, наполняя улицу поросычьим

визгом, и животом плюхнулся на бордюр. Из джипа выскочила смуглая брюнетка и бросилась поднимать вопящего и корчившегося от боли карлика.

И всё-таки третий выстрел прозвучал, когда Михаил повернулся к женщине спиной. Силясь понять, кто выстрелил, он попытался развернуться, но, медленно оседая, упал на шкатулку с алмазами.

Ни Алевтина Дмитриевна, ни Вилена даже внимания не обратили на хлопки за окнами. Обескураженные, они долго сидели на диване перед разодранным пакетом, как будто он мог рассказать, что произошло в их отсутствие. Вилена всхлипывала, но молчала, Алевтина Дмитриевна, обняв дочку,

думала о чём-то своём, далёком от происходящих событий. Первой нарушила тишину Вилена, робко, словно страшась собственных слов, прошептала:

– А может, в милицию обратиться?

– И что им расскажем? Про цветы, – не зная, от кого, про алмазы, – не зная, откуда, про воров, лиц которых даже не видели, так же еле слышно ответила мать.

– Ты боишься, они нас в сумасшедшие запи...

– В лучшем случае, а могут и за решётку упрятать, так сказать, до выяснения обстоятельств. Всё, убираем мусор и забываем, что здесь произошло.

Алевтина Дмитриевна прошлась по комнате, приподняла пакет и ахнула. Под ним сверкал огромный алмаз. Осторожно взяв находку в руки,

она взволнованно вымолвила:

– Это на сколько же драгоценностей украли, если этот один – состояние?!

– Такой капельный?

– Думаешь, крохотный? Если мне не изменяет память, для измерения веса алмазов принят метрический карат, равный двум десятым грамма, или двумстам миллиграммам. А в этом карат пятьдесят – не меньше.

Алевтина Дмитриевна осторожно опустила алмаз в ладонь дочери, подошла к книжной полке, достала самую большую и толстую книгу. Полистав, улыбнулась.

– Виленочка, смотри, на что нам энциклопедия намекает.

Не дождавшись ответа дочери, торжественно прочла: – Алмазы массой более пятнадцати карат – редкость, массой в сотни карат – величайшая редкость. Самый крупный получил имя «Куллинан». Был обнаружен в 1905 году около города Претории в Южной Африке, масса составляла 3106 карат, или 621 грамм, и стоил он девять миллионов фунтов стерлингов. При обработке бедняжка был расколот на 105 частей; самая крупная, массой 516,5 карата, или 103,3 грамма, получила название «Звезда Африки».

– Мама, тебя сегодня буквально заносит в науку. То лекцию про Станиславского зачитала, теперь про брюлики. Нет, правильно говорят, быть

педагогом всю жизнь – вредно, а быть мамой-педагогом вдвойне. А знаешь, какая метафора мне сейчас пришла в голову? Представь, человек – это алмаз, а расколотый сомнениями, догадка – ми, тайнами и прочими житейскими проблемами, огранённый житейской мудростью, он...

– Тебе бы стихи писать или фантастические рассказы – цены бы не было! Но дослушай, звезда фантазий, что научные книги пишут: «Один из самых известных бриллиантов в мире – «Регент» – хранится в Лувре. Алмаз «Регент» массой 400 карат, или 80 граммов, был найден в 1701 году в

Голконде, что находится в Индии. Сейчас он весит после огранки 27,35 грамма и оценивается в 3 миллиона долларов». Да, вот ещё интересное нашло: «...слово «бриллиант» происходит от французского

brillant и переводится как «блестящий». В целом это тот же алмаз, которому посредством обработки придана специальная форма, так называемая бриллиантовая огранка, максимально раскрывающая оптические свойства камня. Алмазы, как отпечатки пальцев, уникальны – не бывает двух полностью идентичных камней». Запомнила? «Бриллианты же, наоборот, изготавливаются по строго определённым правилам. Из всех форм огранки наиболее популярны круглые бриллианты, возможно, благодаря их сильной игре и большому возврату белого света к наблюдателю, чем в других огранках. Средняя стоимость одного карата добытых в Российской Федерации алмазов составила 67,95 доллара». Теперь понятно, какое сокровище у тебя в руках?

– Понятно. Я и говорю: у этих камней всё, как у людей. Только что Мишеньке скажем, когда вернётся за ними? – угрюмо пробормотала Виленка и подошла к окну, разглядывая кристалл.

– Мишеньке, говоришь? – с восхищением и тревогой переспросила Алевтина Дмитриевна. – И давно он стал Мишенькой?

– Ой, мама, не придирайся к словам, – покраснев, перебила Виленка, – подумаешь, оговорила.

Мать подошла к дочери, обняла. Взглянув в окно, грустно улыбнулась.

– Не переживай, всё образуется. Посмотри на дорогу, к кому-то скорая помощь торопится, а вон и милицейские машины спешат. Видишь, кому-то

ещё хуже, чем нам, раз сами справиться не могут. Так что мы с тобою, доченька, не в самой худшей ситуации.

Вилена прижалась к матери и расплакалась.

– Мама, ты не поверишь, но мне вдруг почудилось, это к Мишеньке они спешат – и милиция, и врачи. Плохо ему сейчас, совсем плохо. Если бы я сама его не провожала до вагона, не видела, как он в него запрыгнул, да я за этими машинами побежала бы, хоть босиком по стеклу битому, но побежала. Сердце задыхается, как о нём подумаю. Плохо ему, совсем плохо!

Она и представить не могла, насколько была права!

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

А на следующий день Вилена пошла на вокзал, как раз к приходу поезда из Свердловска. Разумом понимала, что Михаил и до города ещё доехать не успел, не то чтобы воротиться, но ничего с собою поделывать не смогла. Встала у выхода из тоннеля, откуда пёстрой толпой стекались и растекались пассажиры, с тревогой вглядываясь в людей, похожих на Михаила. Так и простояла больше часа. То же самое повторилось и на следующий день, и на третий, пятый, двенадцатый...

Когда мать спросила, зачем она это делает, Вилена пожала плечами:

– Сама не знаю, мама, хочешь смейся, хочешь понимай, но я предчувствую, именно там, на вокзале должно произойти то главное, значительное, что поможет разгадать многие тайны последних событий. Хочу пройти мимо, а ноги сами несут к перрону. Хочу уйти – не получается. Может, я там душой отдыхаю, вспоминая о нём, может, я впервые поняла, что значит ждать, а может, судьба меня туда ведёт, показать, объяснить, заставить увидеть, а у меня пока не получается. Не знаю, но что-то должно произойти именно там, на вокзале!

Как в воду глядела, а может, и сквозь воду. На следующий день после разговора Алевтина Дмитриевна решила пойти на вокзал вместе с дочкой.

– Зачем? Погода третьи сутки – хуже не бывает!

– А что ещё делать? Занятия в школе заканчиваются рано. Ты придёшь поздно. И как прикажешь, одной куковать возле телевизора?! Лучше с тобой прогуляюсь, вдвоём оно веселее, да и поспокойнее.

Вилена благодарно взглянула на мать, сняла со стены гитару и тихонечко запела:

*Что пророчишь, вороньё,
На четыре стороны?
Под ногами то жнивьё,
То тупые бороны...
Солнце спит, дождь грозит,
Саранча беснуется,
Верный пёс в саду басит,
Чучелом любитесь...
Роца сникла, лес угрюм,
Над полянкой коршунь,
Ручеёк ушёл в загул
По оврагам брошенным...
Горизонт кипит в реке
Бурунами гордыми.
Небо в бледном парике
Над планетой сгорбленной...
А в лугах такая синь –
Васильковым заревом
Ветер прошлое скосил*

В ров, росой залитый...

– Опять всю ночь не спала, сочиняла. Ой, Виленка, и что с тобою творится?! Ну ничего, вернётся Михаил, я ему устрою и планету сгорбленную, и тупые бороны, он у меня узнает, как девчонке голову морочить!

Не устроила. На следующий день на вокзал пошли вдвоём. И первый, с кем столкнулись у выхода, был карлик. Увидев Вилену, он испуганно съёжился и, пугливо озираясь, поскакал хромой обезьянкой, пытаясь спрятаться в машине. Не понимая, почему он перепугался, Виленка бросилась следом. Карлик улепётывал по лужам так неуклюже и потешно, что Виленка рассмеялась и остановилась. Да и было отчего. Толстые кривые нож-

ки лилипута буквально утопали в толще мутной воды, брызги потешно фонтаном обрушивались на розовую рубашку, белые брючки, руки и голову,

растекаясь грязными потоками по затылку, остаткам торчащих волос, утиному носику, небритым щекам, коротенькой шее, бесцеремонно забираясь под воротник. Один башмак на толстой подошве соскочил с ноги, и мужичонка, повизгивая от негодования, несуразно замахал ручонками, заковылял к машине ещё забавнее, переваливаясь с ноги на ногу подраненным поросёнком. Задняя дверца джипа распахнулась, и беглец мокрым кулём ввалился в огромный салон, отделанный светлой кожей. Взвизгнув шинами, автомобиль с незакрытой дверцей резко развернулся, накренился и ринулся к светофору. Над привокзальной площадью раз-

дался истошный вопль, из машины обратно на дорогу, оставляя на коже сидений огромное коричневое пятно, мокрой лепёшкой соскользнул лили-

пут. К нему устремились сердобольные прохожие, из вокзала выскочили дежурившие милиционеры, вызывая по рации скорую помощь. Толпа любопытных окружила мокрого раненого. Виленка застопорилась, раздумывая, как поступить дальше.

Дождалась, пока подойдёт мать. Алевтина Дмитриевна, не глядя на дочь, торопливо зашептала:

– Я сообразила, кто это. Уходи домой, быстрее, люди видели, как ты за ним летела, а я прослежу, в какую больницу отвезут. Исчезай немедленно, жди дома. Быстро! Быстро! Виленка уныло побрела к автобусной остановке.

Алевтина Дмитриевна вернулась почти в полночь. Усталая, вымокшая от дождя, слегка растрёпанная. Вошла в квартиру и, не глядя на дочь, не раздеваясь, бросилась на кухню к чайнику.

– Представляешь, на улице ливень, а у меня губы от жажды пересохли.

– Ну хоть не напрасно мокла? Откуда липутятина, узнала?

– Не только узнала, но и кое-что понимать начинаю, но всё по порядку и после того, как отогреюсь. Договорились?

Виленка улыбнулась.

– Тогда, может, поужинаем, пока ты ливень изучала, я вкусенького немного приготовила.

– Приятная мелочь в эту жуткую погоду. Словно с цепи сорвалась небесная, все свои обиды решила человечеству высказать и выплакать за один день.

А за окном, действительно, даже горячие фонари под яростными потоками ливня лопались. Грозовые тучи повисли так низко над городом, словно ночь своей почерневшей от горя душой решила его укутать от надвигающейся опасности. А взбешённые молнии с громом то запугивали прохожих

огненным дыханием, то ужасающим грохотом заставляли вздрагивать и прятаться.

– Может, сатана на землю собирается? – усмехнулась Алевтина Дмитриевна, кивнув после ужина на бушующую за окном непогоду.

– Если уже не спустился, – грустно продолжила Виленка.

– Ты на карлика намекаешь?

– А на кого же ещё! Да если бы не это животное, Миша уже дал бы о себе знать звонком, письмом, запиской, в конце концов, цветами. А так ни словечка, ни былинки, ни травинки... Прячется он от этого выродка, а почему, не понимаю.

Мать собрала со стола посуду, отнесла на кухню. Вернулась с сахарницей и заварочным чайничком.

– Кстати, у выродка есть имя, отчество и фамилия – Сергеем Петровичем Рассадовым в больничке записан.

Вилена пожала плечами.

– Да хоть Мамаем Мамаевичем Мамаевым! Надеюсь, его состояние не слишком обнадёживающее?

– Надейся, но реальность хуже. Врачи констатировали содранную кожу на локте, лёгкое сотрясение полулусой головы и трещинку в ключице, через пару дней отпустят.

– Будем считать, повезло. Жаль, не нам.

– погоди отчаиваться. Я расскажу, что ты не видела, и вместе подумаем, как дальше действовать.

Алевтина Дмитриевна опустила на диван, задумалась, однако по её взволнованному лицу легко было догадаться, как сильно переживает. Вилена присела рядом, но не проронила ни слова.

– В общем, так, доченька, – вздохнув, начала Алевтина Дмитриевна, – как только ты ушла на остановку, к Рассадову, давай данного уродца теперь так величать, подбежала женщина, по облику цыганка. Откуда взялась, не знаю, но вела себя вначале явно испуганно, наклонилась над карликом, хотела понять, живой или нет. А когда увидела милиционеров и то, что Рассадов зашевелился, оправляется от шока и даже встать пытается, отпрянула, затесалась в толпу и молча наблюдала. Я встала неподалёку у неё за спиной. И не напрасно. Когда карлика положили на носилки и погрузили в скорую помощь, она по сотовому телефону кому-то позвонила и сказала только

одну, но замысловатую фразу: «Успокойся, Бог на нашей стороне, хотя Мультимэтр живой, но этот случай – великолепный момент от него избавиться. Жди возле шестой горбольницы. Чёрную

спрячь подальше, поменяй номера, её в розыск объявили, возьми белую».

– Мама, если я правильно поняла, речь шла о машинах, а Мультимэтром она называла лилипута Рассадова?

– Несомненно. Дальше дамочка останавливает такси и напрямиком в больницу. Джип исчез. Когда – не заметила. Я тоже ловлю машину и следом. Но я раньше приехала, куда та заезжала – загадка. А вот здесь-то и начина-

ется анекдот. Если помнишь, Рассадов-Мультимэтр был грязнее грязи, хоть шлангом отмывай. Так его в больнице и восприняли за кусок слякоти. И прямо в одежде под душ. Ты бы слышала, как он визжал, грозил и матерился – эки позавидуют. В нём спеси больше чем в толпе абстракционистов. Свой сотовый об пол расколотил, потому что тот, мокрый, не сработал. В общем, кое-как отмыли пострадавшего, раздели, вытерли, обрядили в детскую пижамку и направляют в палату общую. Бедняга, едва услышал про общую, чуть не в кому свалился. Врачу, который его обследовал, заявляет: «А сколько ваша больница стоит, я её купить хочу. Тот его выслушал и в ответ:

«Здорово вас, Сергей Петрович, шибануло, я вам рекомендую психдиспансер приобрести, он и дешевле, и уютнее, решётки импортные, забор эксклюзивный, а ворота – чудо чугунных ноу-хау!» Чем бы их диалог закончился – не знаю, тут цыганочка появилась. Ни на кого, не обращая внимания, врача, будто родненького, обняла, сунула в кармашек несколько купюр и давай нашёптывать на ушко. Рассадин насупился, смотрит исподлобья, сизо-багровый, злится,

но помалкивает. А врач на оттопыренный карман с подношением покосился, похоже, мысленно бумажки пересчитал,

разрумянился и – сама милость. Хоть в школу этику преподавать посылай. Ушла цыганка с ним палату подбирать, а Мультимэтр от ревности кушетку деревянную ногтями в щепу царапает. И тут я ему на глаза попалась. Просиял, взмолился агнцем луноликим, упросил надеть халат белый и пойти посмотреть, чем его краля с врачом занимают. Я и не поняла вначале. Спрашиваю: и как своё появление объясню? А он, вот инфекция, соображает быстрее компьютера, моментально заявляет: скажи, мол, что он меня сиделкой нанял, и от них ни на шаг.

– И ты согласилась? – негодуя, выпалила Вилена.

– Виленочка, ты напрасно лютуешь, это удача! Вдумайся, я теперь могу беспрепятственно общаться с ним и наблюдать, что вокруг творится. Пусть ненароком, но нечто услышать, а если удастся вытащить карлика на разговор о Михаиле...

– И не боишься?!

– Солнышко! Я историк, а историю не только констатировать, но и вершить можно!

– Мама, от твоей истории мертвечиной веет!

– Волков бояться – в лесу не хамить! Ты дослушай, что дальше было.

Надела я халатик, замаскировалась, так сказать, под медперсонал и за славной парочкой вдогонку из приёмного покоя на второй этаж. А они

стоят в коридоре и любезничают, да так мило – голубки, да и только. А медсёстры тяжелобольных из одной палаты растаскивают по другим.

Как я поняла, для Рассадова-Микромэтра стараются, отдельную готовят. Меня, конечно, перекривило от подобных правил в этой больнице, но

виду не подала. Подошла, отрекомендовалась, как Рассадов велел, поинтересовалась, чем помочь. Цыганочка не удивилась такому повороту событий, мне даже показалось – слегка обрадовалась. Видно, не впервой он за ней согладатаев приставляет. А вот докторишка разочарованно долго на меня пялился да хмурился, что-то соображал, но руку свою с талии девицы убрал.

Алевтина Дмитриевна смолкла, прислушиваясь к тому, что творится на улице, подошла к окну, сквозь стёкла глядя на разбушевавшуюся стихию.

Поправила шторы. Перекрестилась, вернулась на диван.

– Мама, тебе что-то показалось?

– Ливень, доченька, ливень! Погода сегодня матушкой терзается – словно дитё потеряла.

– А что дальше с этим Микромэтриком?

– Ничего примечательного. Спустилась, доложила, что палату освобождают его величеству, а его пассия вне подозрений. Тот слегка успокоился,

по крайней мере, лавку перестал царапать. Потом эта парочка за ним пришла, укольчики успокоительные прописали, дабы сильно не нервничал. А где-то к одиннадцати он домой меня отправил, до утра. Сказал, что ночью его красавица подежурит.

– О зарплате поговорить, естественно, забыл? – ехидно поинтересовалась Вилена.

– Разумеется, такие хозяева страны только на словах для народа щедрые. Впрочем, я особо и не интересовалась. Главное – понять, откуда этот хмырь, кто с ним, кто за ним? Какое отношение имеет к алмазам? Уверена, их исчезновение – его рук дело, его.

– И как ты собираешься это сделать? Втереться в доверие, оболстать, оболгать?

– Не знаю! Но в одном уверена: у нас есть козырь, о котором цыганка не догадывается.

Вилена изумлённо посмотрела на мать.

– Ты хочешь передать ему её разговор по телефону? Рассказать, что его убить собираются?

– Нет, доченька. Боюсь, что ситуация сложится по-иному и мне придётся его спасать.

– Эту нелюдь... С ним даже Миша не хочет связываться. Ты... серьёзно... спасать?

– Более чем! Сама подумай, кто мне расскажет про алмазы и прочие тайны откроет. Ох и непростой этот лилипут! Есть подозрение, с прошлым нашей семьи он связан. Я это уже не чувствую, я это вижу, только разглядеть не могу! Пока я для него всего-то старушка-сиделка, и нанял меня он, а не я напрашивалась!

– Делай как знаешь. А я пошла посуду мыть. Кстати, ты мне давно обещала про Станиславского рассказать. Какое отношение он имеет к украденным алмазам и семье.

– Обещала – расскажу. Но вначале отмоюсь, согреюсь и приду в себя на кухне.

СТАНИСЛАВСКИЙ, БЕРИЯ, МЕЙЕРХОЛЬД И СМЕРТЬ

Недолго Алевтина Дмитриевна в себя приходила. Через час подошла к книжной полке, достала довольно объёмный фолиант.

– Слушай, Вилена, ещё одну занудную лекцию! Без неё ты не поймёшь, где наш дед сгинул. Статья называется «В прицеле – основатель МХАТ Константин Станиславский». Слушай, и очень внимательно. Читаю!

«Времена нэпа (1921–1929) чем-то напоминают нашу нынешнюю российскую действительность: та же погоня за золотым тельцом, та же пропасть между богатыми и бедными и та же «желтизна» большинства средств массовой информации в выражении своих чувств и мыслей. В итоге свобода слова очень часто становилась не инструментом конструктивной критики, а средством для сведения личных счётов. Причём никаких авторитетов в этом деле не существовало. В конце 1923 года такой жертвой стал великий реформатор театра Константин Сергеевич Станиславский.

В те годы лишь незначительная часть театралов продолжала уважать Мастера и ценить его вклад не только в российское, но и в мировое театральное искусство, а большинство откровенно издевалось над ним и

презирало. Это большинство считало Станиславского «пережитком царской России» и требовало «сбросить его с корабля истории». Даже бывший мхатовец Всеволод Мейерхольд, который в советской России дорос до поста

начальника театрального отдела Наркомпроса, во всеуслышание заявил, что «Московский Художественный театр – это эстетический хлам». Мейерхольд призывал бороться с академическими театрами и создавать новое искусство – авангардное, экспериментаторское. Естественно, в подобном искусстве таким

реформаторам, как Константин Станиславский, места просто не было. По сути, это была борьба не против Станиславского, а против русского традиционализма, баталия которую вели большевики-космополиты в лице наркома просвещения А. Луначарского, того же В. Мейерхольда».

– Не знала, до какого кретинизма рулевые эпохи доходили. Впрочем, и сегодня времена не лучше. Во все века бездари таланты уничтожали, – выдохнула Вилена, сжимая кулачки.

– Это текст из современной книги, доченька, а теперь я тебе расскажу, чему был свидетелем твой прапрадед. Судя по его письмам к своей жене, издевались над Станиславским многие годы. Да и не только над ним. Всех, кто пытался сохранить исконно российскую культуру на сцене, в литера-

туре, жизни, – изводили безжалостно. Пушкина объявили графоманом, Льва Толстого офицером-недоучкой, Есенина травили и затравили, убили и повесили в гостинице, а обнаружили, что он сам... самоубийца. Это была пора великой лжи, чудо-вищных гонений и грязного передела. Досталось

всем: и большим, и малым. Любовь призывали признавать пережитком мрачного прошлого, воспевали свободный секс, в культуре царили аван-

гардисты, футуристы, имажинисты и прочие неистовые исты, которые ничего делать не умели, а свои жалкие полуграмотные литературные опусы

выдавали за новые формы, великие открытия и, разумеется, талантливые находки! Их поддерживали такие же тупицы. Более того, дабы оправдать своё существование при кормушке, подобную галиматью признавали искусством и открытиями.

Хотя, как навоз ни назови, пахнуть не перестанет! Так называемые космополиты в те годы были в фаворе и повсеместно диктовали свои дикие дурнопахнущие законы практически во всех сферах.

– Мама, можно подумать, сейчас времена иные. Что газеты читать, что телевизор смотреть – тошно. Одни разборки да сведение счётов. Журналисты пишут, как им закажут и на сколько закажут. Настоящих писателей затирают, гонимых не платят, сочиняют про них небылицы глупые.

Хороших книг не купить, сплошь коммерческие, а там криминал да эротика или бредятина для наркоманов, которую окрестили на западный манер

фэнтези. В критики лезут полуграмотные кандидаты филологических наук да большие манией величия борзописцы. В классическом университете читают лекции матом. В детском театре на сцене нецензурщина, секс. Раньше я думала: у нас перестройка, свобода слова, а теперь понимаю – свобода лжи. Я где-то вычитала, что сегодня происходит сознательная отупизация народа, особенно молодёжи. Российским политикам, работающим на США, это очень и очень выгодно.

Алевтина Дмитриевна подошла к дочери, обняла.

– Хорошо хоть осознаёшь, а я думала, ты у меня только наблюдатель. Высоко выросла, высоко! Значит, одним отупизированным человечком в нашей стране будет меньше. Но давай вернёмся к Станиславскому. А то скоро рассветёт, а мне нужно тебе ещё кое о чём досказать и попросить.

– Мама, да я... да я... ты только намекни... я мигом сделаю... я...

– Не торопись. Прежде чем сделать, понять надо, а прежде чем понять – вдуматься, вместе проанализировать!

Вилена, привстав на цыпочки, приподняла руки, сложив крестом на груди, потешно вздёрнула подбородок, надула щёчки и засемила к диванчику. Присев, улыбаясь, зашептала:

– Мама, я сама покорность. Слюхаю и внимаю. Можешь начинать с мезозоя. Итак, какой динозавр с каким стегозавром папоротник не поделили?

Алевтина Дмитриевна рассмеялась.

– С мезозоя так с мезозоя, а точнее, со знаменитого МХАТА.

– Который создал Станиславский.

– Весьма спорно, доченька. Выражаясь современным языком, он был его художественным руководителем, идейным вдохновителем. А театр обновал, как это ни парадоксально, Савва Морозов.

– Савва! Тот богач, который спонсировал коммунистов?

– Да, Виленочка, он самый. Раньше таких, как он, называли скромненько – меценат, слово «спонсор» ещё не изобрели. О Савве Тимофеевиче многие помнят как о человеке, материально поддерживавшем партию большевиков. Обычно ещё добавляют, что Морозов был очень богатым текстильным фабрикантом. В советский период коммунисты не очень-то охотно припоминали о нём. Оно и понятно. Когда он однажды отказался финансировать их очередную авантюру, они его и убили. Но если рассматривать историю объективно, у Морозова на самом деле кроме фамильной ткацкой фабрики феноменального мирового уровня имелись многочисленные собственные рудники, лесозаготовки, химические заводы, больницы, даже газеты. Только благодаря его деньгам возник

и сумел выжить знаменитый МХАТ. Это мнение твоего прадеда, доченька, свидетеля тех событий.

Сегодня большинство специалистов, занимающихся изучением истории российского революционного движения, не без веских оснований полагают,

что МХАТ начался с того момента, когда Савва Морозов взялся активно помогать Константину Сергеевичу и его труппе. Мечтать о своём театре

может каждый, а вот создать дано единицам. Годами Станиславский искренне и наивно надеялся, что деньги даст на театр его богатая родня, но

они сочли затею родственничка безнадежно бесполезной и не поддержали, токмо высмеяли. Константина в семье считали, сказать мягко, человеком со странностями. Это сегодня имя Станиславского многое значит для театралов. А тогда...

В общем, в театральный бизнес родственники не поверили, кстати сказать, совершенно справедливо. Морозов сам подыскал подходящее здание в

центре Москвы, оплатил и многие годы практически содержал артистов на свои деньги, поскольку сборы за спектакли не окупали даже декораций,

содержание театра было крайне убыточным. Зато в знак «благодарности» Станиславский и его партнёр Немирович-Данченко, едва их дела пошли в

гору, буквально выжили Савву Тимофеевича из правления. Впрочем, подобных «аплодисментов» миллионер-меценат получал в своей жизни немало. Заслуги Саввы Морозова не только моментально забыли, но и постарались стереть из памяти потомков завистливые и жадные до славы и

почестей художественные руководители.

– Предположим. Мы-то здесь причём? МХАТ основан, кажется, в 1898 году, больше ста лет прошло. Не пойму, для чего ты мне всё это рассказываешь?

– Не торопись, дослушай! Постарайся понять эпоху, в которую жили люди, их характеры, обстоятельства, заставившие их совершать те или иные поступки. Потому что, пока создавался МХАТ, судьба свела двух в равной степени гениев и злодеев на одной сцене. Станиславского и Мейерхольда. Они были совершенно разные, эти художники, хотя Мейерхольд в молодости был учеником Станиславского и играл Треплева в

одном из первых и самом главном спектакле молодого Художественного театра, «Чайке». Потом их пути разошлись, но переплетались постоянно.

Вместе они создают театр-студию на Поварской, но в 1905 году, перед открытием, Станиславский внезапно отказывается работать с Мейерхольдом.

Студию пришлось закрыть, причём Станиславский, как утверждает наш прадед, потерял половину своего состояния.

Кажется осенью 1920 года Мейерхольд возглавил театральный отдел Наркомпроса. Он носил френч, красную звезду на фуражке огромный и маузер... Вот таким был грозным и революционным. Мейерхольд при-

зывал бороться с академическими театрами и создавать новое искусство – авангардное, экспериментаторское. И в 1923 году он создаёт свой театр, который без ложной скромности называет своим же именем. Так появляется Государственный театр имени Всеволода Мейерхольда, прозванный

москвичами ТИМом. Одновременно в его личной жизни происходят очень важные для нас события. Век прошёл, а мы его эхо до сих пор слышим.

– Ты хочешь сказать, что...

– Ещё раз прошу, дослушай, говорить будем вместе. Я же пока только констатирую то, что произошло. Разведясь со своей тихой, покладистой женой Ольгой Мунт, с которой прожил 20 лет, и оставив троих детей, он женится на роковой Зинаиде Райх.

– Почему роковой? Потому что до этого она была женой Сергея Есенина, родила ему двоих детей и бросила поэта?

– Нет, конечно! Как утверждает наш прадед, Зинаида была признанной красавицей, но явной истеричкой и очень свободолюбивой женщиной.

– Ещё бы, даже Есенин по ней страдал, помнишь, как он ей писал: «Любимая, меня вы не любили...»

– И не только он. Поклонников у Зинаиды было более чем достаточно, даже среди высших партийных боссов. Нравилась она многим, особенно домогался её Лаврентий Берия, тогдашний глава НКВД.

– Берия, Станиславский, Мейерхольд, Райх. Вот это ромбик. Мама, не томи. Здесь не школа, и я не твоя ученица. Прости, но ты мне совсем запудрила мозги порыжевшими датами с именами вековой давности.

– Дотерпи, совсем капелька осталась.

Алевтина Дмитриевна достала ещё одну книгу с полки.

– Так вот, в апреле 1937 года Зинаида Райх

написала, на первый взгляд, очень странное письмо Сталину, кое-что из письма я тебе зачитаю:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!.. Я с вами все время спорю в своей голове, все время доказываю вашу неправоту порой в искусстве... вас так бесконечно, бесконечно обманывают, от вас скрывают и врут, что вы правильно обратились к массам сейчас. Для вас я сейчас тоже голос массы, и вы должны выслушать от меня и плохое и хорошее. Вы уж сами разбеётесь, что верно, а что неверно. В вашу чуткость я верю.

...Сейчас у меня к вам два дела. 1-е – это всю правду наружу о смерти Есенина и Маяковского. Это требует большого времени (из– учения всех материалов), но я вам все, все расскажу и укажу все дороги. Они, – для меня

это стало ясно только на днях, – «троцкистские». О Володе Маяковском я всегда чувствовала, что «рапповские», это чувствовала и семья его (мать и сестры). ...я хочу, чтобы «развертели» это вы, ибо я одна бессильна.

...Задумала я еще на 5 мая свидание с вами, если вы сможете...

Привет сердечный, Зинаида Райх».

Алевтина Дмитриевна всхлипнула, захлопнула книгу, затем снова открыла и подошла к окну. Виленка терпеливо ждала, пока мать успокоится.

– Письмо, доченька, попало к Берии. Он догадался, о чём на самом деле хочет рассказать Сталину Райх. 20 июня 1939 года Мейерхольд был арестован, а незадолго до этого закрыт его театр. Ему предъявили абсурдное обвинение в шпионаже в пользу Японии. После многодневных избиений,

проводимых подонками-следователями Родосом и Ворониным, режиссёр вначале виновным себя признал, но в суде заявил, что оговорил себя в

ходе истязаний. Он заявлял, читаю: «Следователь всё время твердил, угрожая: «Не будешь писать (то есть – сочинять, значит?!), будем бить

опять, оставим нетронутыми голову и правую руку, остальное превратим в кусок бесформенного, окровавленного, искромсанного тела». И я всё

подписывал...»

Доченька, хочу заметить, никто, кроме Станиславского, не пытался помочь погибающему Мейерхольду! Никто, кроме того, кого он считал своим врагом.

– А ты не ошибаешься?

– Слушай и вникай. 1 февраля 1940 года Военная коллегия приговорит Мейерхольда к расстрелу. А ещё раньше, 17 декабря 1937-го, театру

Мейерхольда был вынесен своеобразный приговор – в газете «Правда» появилась статья Платона Керженцева «Чужой театр» с грязной критикой,

больше похожей на донос, «буржуазных формалистских позиций» ТИМа. 8 января 1938 года первый приговор привели в исполнение – театр ликвидировали «как чуждый советскому искусству». И тут ему, опальному, обречённому, приходит на помощь Станиславский. Он приглашает бывшего

оппонента к себе в театр. Дабы понять справедливость в ситуации, вынуждена признать, именно Зинаида Райх, во спасение мужа, первой бросилась за помощью к Константину Сергеевичу. Эта немыслимая рокировка действительно на какое-то время спасает Мейерхольда, так как Константину Сергеевичу в этот период покровительствовал сам Сталин. Но примерно через год странным образом умирает и сам Станиславский. И хотя документы утверждают, что не выдержало сердце, свидетели и наш прапрадед говорят о сознательной передозировке лекарств по указке Берии. Он отомстил Станиславскому за то, что тот помешал ему уничтожить и Мейерхольда, и Райх, позвонив лично Сталину. Берия мстил всем ему неугодным, бывало, ждал часа возмездия годами. Естественно, после смерти Станиславского в ночь с 19 на 20 июня 1939 года арестовали и самого Мейерхольда. Из застенков он уже не выйдет. Родственникам наврали, что его осудили на 10 лет без права переписки. Хотя на самом деле 2 февраля 1940 года полуживого режиссёра расстреляли. Где похоронен – неизвестно.

Но Зинаида не дождала до его смерти. Через полмесяца, 15 июля 1939 года, её зверски убили энкавэдэшники в их с Мейерхольдом квартире в

Брюсовом переулке. Перед смертью над ней долго издевались, пытали, насиловали, живую кромсали на части прямо в квартире. Её ужасные крики слышал весь дом. Но люди боялись подойти к нелюдям в форме НКВД. Сохранились тайные свидетельства, что среди мучителей был лично Берия со своим шофёром. Истязая, актрисе выкололи глаза, ножом искромсали всё тело. Обрати внимание – не успели Зинаиду похоронить, в их квартиру Берия вселил своего шофёра с семьёй и секретаршу.

– Получается, Берия приказал убить её из-за квартиры?

– Если бы только из-за жилплощади. А сейчас я тебе скажу то, из-за чего так долго и нудно, как ты выражаешься, «пудрила мозги, обёртывая в рыжие даты». Я скажу о главном, доченька, чудовищном и, на первый взгляд, невероятном, но обыденном, как само время, в котором они жили.

Вилена лукаво посмотрела на мать.

– Неужели свершится! Закончится вековое ожидание, и ты раскроешь тайну алмазов великого Станиславского. Хотя, хотя... Мама, если позволишь, я попробую отследить твою логику кандидата наук по-своему, по-студенчески и самостоятельно подобраться к истине и богатству бедного

гения. Можно?

Алевтина Дмитриевна взглянула на часы, вздохнула.

– Попытайся, но учти, с рассветом я должна быть в больнице.

– Постараюсь быть краткой. Как ты, часовых лекций не закатывать и помнить – здесь квартира, а не кафедра.

Вилена галантным движением провела ладошкой перед книжным шкафом.

– Итак, из всей твоей информации я уяснила несколько определяющих моментов. Первый – талантливый режиссёр до того, как нищим взойти

на сцену, был очень богат и возглавлял крупнейшее частное производство, где использовались алмазы, причём в очень больших количествах. Октябрьская революция отняла у него и фабрику, и состояние, слава Богу, талант оставили. Так?

Мать кивнула, с интересом взглядываясь в раздумывавшееся от волнения лицо дочери.

– Спасибочки, момент второй. Хотя состоит из частокола неприятных цифр, увы, не лупа, но попробую и через него рассмотреть нечто. Итак, 1937 год. Можно сказать, определяющий в жизни Станиславского, Мейерхольда, Райх. И первое появление на политико-театральной сцене гиперманьяка Берии. Последний, будучи первым секретарём Закавказского крайкома ВКП(б) и секретарём ЦК КП(б) Грузии, присутствует на февральско-мартовском пленуме 1937 года в столице. Его посещения не ограничиваются палатами Кремля и партийными кабинетами. Театры не чужды злодеям. На одном из спектаклей он очаровывается красотой Зинаиды, заваливает её цветами и до-

вольно откровенными предложениями. Как ни странно, его понять можно. Об актрисе ходили совершенно нелицеприятные слухи. Она была очень

интересной и обаятельной женщиной. Всегда при поклонниках, многие из которых не были сторонниками платонических страстей. Да и сама Райх

обожала развесёлое и блистающее бытие: вечеринки с плясками, рестораны с цыганами, ночные балы в московских театрах и банкеты в наркоматах. Одежния из Вены, Варшавы, Парижа, котиковые и каракулевые шубы, французские духи, пудра Коти и дорогие для того времени шёлковые чулки – её повседневные предпочтения. Естественно, это стоило колоссальных денег, которых не было у далёкого от финансовых операций мужа-гения. Поэтому не стану утверждать, что практичная куколка-немка, осознавая своё превосходство над жаждущими её ласки, отказывалась от их предложений. Естественно, не все, но милые её сердцу принимала. А если припомнить, что за Мейерхольда замуж она вышла из практических соображений и часто, откровенничая с подружками, заявляла: «Я очень надеюсь на Севочку – он

сделает из меня большую актрису, и тогда я от него уйду. Поступлю в Московский Художественный к Станиславскому, закручу головокружительный роман и...»

Алевтина Дмитриевна побагровела, разволновалась, ушла на кухню, подошла к мойке и принялась тщательно, по нескольку раз мыть и вытирать посуду. Не выдержав, повернулась к дочери, застывшей в дверном проёме.

– Я тебе никогда таких мерзостей не рассказывала, Вилена, слышишь, никогда! Не уподобляйся сплетникам и всяким борзописцам! Никогда! Мы

рядом не жили, а тем более не стояли! Не нам порицать! Ты, кажется, хотела о цифрах, а сама забралась к пересудам за пазуху...

Вилена обиженно поджала губки, скрестила руки на груди. В квартире несколько минут ничего, кроме шума вытекающей из крана воды, не было слышно. Но Вилена вдруг улыбнулась, опустила руки, встала по стойке смирно и, чеканя каждое слово, затараторила. Мать испуганно вилку уронила.

– Докладываю, матушка. В этот злополучный год происходят следующие события. Март. Берия знакомится с Райх. Делает несколько гнусных предложений, но она отказывает. А когда на одном из банкетов в наркомате Берия пытался её изнасиловать, затолкав в пустой кабинет, Зинаида Николаевна так отшвырнула наглеца, что тот свалился у подоконника, а на его лысую голову обрушился горшок с цветами. Берия отстал, но цинично пригрозил: он сделает так, что глупая актёрка голой приползёт к нему на коленях вымаливать прощение, или с ней сотворят то же самое, что с её первым муженьком Сергеем Есениным. Зинаида Николаевна в шоке от подобного заявления, а по сути признания. Апрель. Райх пишет письмо Сталину и просит о встрече, чтобы рассказать об истинной причине смерти Есенина, о том, что творится в искусстве, культуре. Надеется рассказать о домогательствах Берии. Однако Сталин советуется с Берией, который ха-

актеризует Райх как спившуюся шлюху, а Мейерхольда больным наркоманом. Естественно, Сталин от встречи уклоняется. А на письмо отвечает по-своему. 7 января 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление «О ликвидации театра имени Мейерхольда

как чуждого советскому искусству». Судьбу самого опального режиссёра, а точнее, приговор его творчеству и жизни решено обсудить особо. Однако по просьбе Райх вмешивается Станиславский, спасая Всеволода Эмильевича, звонит Сталину, настаивает, чтобы Мейерхольд получил место в его Оперном театре. Нового сотрудника поехал представить своей труппе сам. Станиславский сделал всё мыслимое и немислимое, чтобы его Оперу принял Мейерхольд. Кстати, после ареста по тюремным бумагам он проходит как главный режиссёр Оперного театра имени К.С. Станиславского. Сталин ценит Константина Сергеевича и не стал с ним спорить, но это внешне. А теперь хочу обратить твоё внимание на ряд очень странных совпадений. 7 ав-

густа 1938 года при загадочных обстоятельствах умирает Станиславский. И хотя врачи утверждают, будто смерть наступила как следствие тяжелейшего инфаркта десятилетней давности, многие их выводам не верят. Причина проста. Незадолго до смерти некоторые редкие лекарства и травы больному режиссёру привезли лично от Берии, так сказать, из глубочайшего уважения к таланту и для скорейшего выздоровления. Что на самом деле было в таблетках, увы, никто никогда не узнает. Но ровно через пятнадцать дней, 22 августа 1938 года Л.П. Берия назначают первым заместителем наркома внутренних дел СССР, 8 сентября начальником Первого управления НКВД СССР, 29 сентября – начальником Главного управления государственной безопасности НКВД. 11 сентября 1938 года Л.П. Берии присваивают звание комиссара государственной безопасности 1 ранга. 25 ноября 1938 года назначают наркомом внутренних дел СССР. Фантастическая карьера!

– И ты её связываешь со смертью Станиславского?

Алевтина Дмитриевна прекратила вытирать посуду, подошла к дочери. Виленка ответила не задумываясь:

– И не только его! Зинаида Николаевна чуть ли не каждому встречному сообщала, что её мужей травит, уничтожает «зверьё в погонах» – Есенина

загнали в петлю, теперь до Мейерхольда добрались. Им постоянно угрожают незнакомые голоса по телефону, предлагают обратиться к Берии за по-

мощью, а проще сказать, отдался. И часто повторяла во всеуслышание: «Сталин не разбирается в искусстве, так пусть обратится к Мейерхольду!» По ночам с ней случаются истерические припадки, и Всеволод Эмильевич вынужден привязывать жену кровати мокрыми полотенцами. Я не права?

– Историки с тобой не согласятся! – возразила мать дочери. – Видишь ли, в 1937–1938 годах под руководством Берии был якобы раскрыт так называемый заговор среди партийного руководства Грузии, Азербайджана, Армении, будто бы планировавших выход Закавказья из состава СССР и переход под протекторат Великобритании. Естественно, от начала до конца все факты и доказательства фабриковались по указанию Берии, но... это сейчас легко рассуждать, а тогда...

– Люди тряслись от одной мысли, что можно сомневаться.

– Естественно, Виленочка. Никому и в голову не могло прийти, для чего действительно «разоблачения» нужны были Берии. Литературу и культуру он уничтожил параллельно с политикой. Да, литературу он всегда приравнивал к политике! Два ствола одного ружья, так считал Сталин,

да и не только он. И метил Берия в одну цель! Приблизиться к вождю, войти в доверие и по старым отработанным схемам отправить «великого и бессмертного» к праотцам. А самому возглавить...

– Так это он и сделал в 1953 году.

– Сомневаюсь, что именно он. Мечтал, но не успел, опередили. Впрочем, мы с тобой увлеклись. Ответ мне на один вопрос: откуда столь обширные и довольно точные познания? Я тебе многого не рассказывала. Да и насколько помню – история, а тем более театр не твоё амплуа.

Особой страстью к сопоставлению дат, фактов ты никогда не пылала. Признаться честно, ты меня сегодня удивила и порадовала! Несказанно удивила и безмерно порадовала.

Вилена подошла к книжным полкам, руку положила возле толстой пачки писем.

– Так это же элементарно, мама. Я следом читала то, что ты читала, просматривала и анализировала то, что ты подчёркивала в книгах. Даже

песню про это гремучее время сочинила. Хочешь послушать вместо антракта?

Пока Алевтина Дмитриевна раздумывала, что ответить, глядя в ночное небо, Вилена сняла со стены гитару и тихонечко запела:

*Развернули в болоте плечи,
Только некому руку подать...
Вот он – вечер,
В ладонях – ветер...
Дальше звёзд, выше месяца гать!
На пороге одежды сорваны,
Крик, удар...
Растекается глаз...
ВЧК, истекая соками,
Проверяет на верность нас.
Кто мы?
С кем мы?
Веками
Сотканы...
Наконец-то рождённые жить!
Кто не предал, с котомкой разодранной,
Ищем место –
Себя забыть...
Фонари, от стыда зажмурясь,
С треском охают в полутьме,
И по тени угрюмых улиц
Молча тащим себя на себе.
Стук сапог, лязг затворов, выстрелы...
Мама! Господи!
Помоги!..
В мире выстрелов как нам выстоять,
Для другого
Не крикнуть – «Пли!»
Развернулось болотом племя,
Только некому руку подать...
Чёт что нечет!
В ладонях – время!
Дальше звёзд, выше месяца гать...
Даже Солнце
Глядит неискренне,
Зажимая от страха рот:
Вдруг объявят врагом его «искровицы»?!
На Земле –
Тридцать
Пятый год...
риллианты Берии*

Алевтина Дмитриевна обняла дочь.

– Как я уяснила из твоего романа, ты и письма Арсения Семёновича, своего прадеда, просмотрела от 1935 года.

– Да, а что, нельзя?! Я несколько раз перечитала его эпистолы, благо ты их никогда не прятала. Если их опубликовать, многое в истории ясным станет. Чудовищные тайны раскрывают эти по своей сути очень страшные документы.

Алевтина Дмитриевна нахмурилась.

– Стало быть, и его последнее послание видела?

– Конечно, одно не пойму, мама, про какого карлика он пишет, что это за выродок, которого так все боялись и проклинали?

Алевтина Дмитриевна растерянно села на стул, пальцами рук торопливо сжала виски.

– Значит, ты догадалась, кто был последним хранителем алмазов Станиславского.

– Не совсем. Но мне показалось, отец, дед, возможно, ты... с этим как-то связаны.

Вилена задумалась, стараясь подобрать нужные слова, а мать, глядя на её грустное лицо, с трудом выдохнула:

– Ох, Виленочка, как же ты повзрослела, как же быстро ты повзрослела.

14 ИЮЛЯ 1939 ГОДА. ЗИНАИДА РАЙХ, ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

14 июля. 14 часов 35 минут.

Зинаида Николаевна вздрогнула от громкого зуммера телефона, взглянув на домработницу, торопливо приложила палец к губам. Лидия Анисимовна понимающе кивнула, виновато развела руками, несколько раз перекрестилась, на цыпочках подошла к аппарату, осторожно приподняла

трубку.

– Слушаем вас!

В трубке кто-то громко чертыхнулся и рывкнул:

– Позови Райх, и немедленно!

– А енто кто?

– Конь в пальто! Тебе что велели – позвать, вот и выполняй!

– Так нету её, сами дождаемся.

– А я говорю – есть, со вчерашнего дня никуда не выходила. Зови!

– Не могу, нету никого. В театре, на репетиции, в Ленкоме, можа, – задыхаясь, заученно затараторила домработница и хотела положить трубку, но гавкающий голос уже не рывкал, а яростно ревел:

– Прекрати брехать, чучундра старая, она напротив тебя стоит, трясётся. Дай ей телефон, я её успокою!

– Так нету её, сами дождаемся! – поспешно выпалила Лидия Анисимовна и швырнула трубку в аппарат. Услышав рычащий из неё голос, сообразила, что не отключила, брезгливо двумя пальчиками снова взяла трубку, бросила на рычажки.

– Опять грузинец ругайтси, Зинаида Николаевна, злющий, что зимой волчара голодный. Обзывают всяко, тварь грузинская. Кабы беды какой не стряслось, кавказцы, они мстительные! А?! Можа, и впрямь вам это, съехать на пока. Можа, к деткам в деревню!

– Ага, чтобы и их своей бедой прихлопнуть. А так, возможно, и обойдётся, только меня одну угробит.

– Ну, насчёт деток я погорячилась, а ежели...

– Куда? За каждым шагом следят, не скрываются. Как под зонтом хожу, к шее прилепленным. Ни вздохнуть, ни выдохнуть, ни солнца увидеть.

– Ну да, и сейчас говорит, мол, с вечеру никуды не выходила. Знают. А вы назло им, назло!

Не зря же при театре служите. Обрядитесь так, чтобы никто не признал, и...

– И что? Думаешь, страна большая?! В норе у суслика отыщут, сами не смогут, другие доносом укажут.

– Мир не без добрых людей, спрячут!

– Наивная, меня убивать будут – никто не подойдёт, побоятся. Живём скотом в загоне перед бойней. Каждый за свою шкуру трясётся.

– Так ить друзей у вас сколько, друзей и энтих, военных и... разных приبلудных. Неужто отшвырнут, отвернутся? Слова-то какие говорили, ручку целовали, в любовях клялись! Сама слыхала...

– Вот именно: в любовях, – передразнила домработницу Райх, – всем им, как и этому, – Зинаида Николаевна кивнула в сторону телефона, – только одно и надо. Хотя, хотя, где живёт Арсений Семёнович Тамин, ты помнишь?

– Инженер-то, дружок Стамиланского?! Как не помнить, дом крайний по нашему Брюсову переулку. В коммуналке он там ютится. За ним послать хотите? Так меж вами ничего ж и не было? Старый он, да и в коммуналке иде упрячешься?

– Иде, иде, я б тебе сказала, иде! Всё ты про всех знаешь, всё понимаешь! А одной фамилии правильно выговорить который год не можешь. С

кем было, а с кем не было! Станиславского друг, Станиславского! Мемуаров ещё не написала? В истории не наследила? – неожиданно зло огрызнулась Райх.

– Так я ж малограмотная, следами историю мемарать! – не обращая внимания на тон хозяйки, ответила Лидия Анисимовна и направилась в кухню.

– Погоди, не дуйся! – миролюбиво улыбаясь, остановила её Райх. – Сейчас пойдёшь к Арсению Семёновичу, скажешь, что у нас в ванной краны

сломались, пусть срочно придёт с инструментом, починить, поняла?

– Поняла, только как же я наговорю, что изломалось, коли всё целое? Изворачиваться зачем? Грех это...

– Скажешь, главное, чтобы он ящик с инструментом взял, а пока ты ходишь, я все краны сама переломаю, грешить не придётся, поняла?

– Поняла, как не понять, круши, не впервой!

– Да, чуть не забыла, Лидушка, на углу магазин «Главрыба», сначала туда завернёшь, иди медленно, очень медленно, поглядывай, кто за тобой наблюдать будет. Если карлика увидишь, немедленно возвращайся.

– Тетюнчика, что ли, худорылого?

– Его, страхолюдину. Если кто иной следить будет, не бойся, делай, что велено. Ещё рыбу купишь, любую, но очень большую, запомнила? С

большим животом!

– Так вы ж до рыбки не охотница!

– Охотница, ещё какая охотница, иди!

– Куды? Тетюнчик, а с ним ещё один жиденкой с утра на наши окна пялятся, к балкону примеряются, иди поглядь, на соседской крыше с

рассвету елозят, воробьёв страшат...

Зинаида Николаевна решительно подошла к окну, замерла, слегка отодвинула тяжёлые бархатные шторы, опасливо выглянула и резко отпрянула. Её губы мелко задрожали, на мгновенно побелевшем лице выступила испарина, одной рукой она вцепилась в подоконник, ладонь другой испуганно прижала к груди.

– Боже! Неужели! Боже! Лидонька, Лидочка, но они же должны вначале арестовать меня. Неужто, как Константина Сергеевича, отравят! Лидонька, Лидо...

Лидия Анисимовна едва успела подхватить падающую без сознания хозяйку. С трудом уложила её на диван, подложила под голову маленькую подушечку и бросилась на кухню. Когда вернулась, Зинаида Николаевна со страхом глядела на балкон. Её пересохшие губы шептали одну и ту же фразу: «Закрой, Лидонька, закрой, накрепко закрой, Лидонька, накрепко закрой, Лидонька...»

Лидия Анисимовна уложила на лоб Зинаиды Николаевны мокрое полотенце, достала из чулана молоток и долго заколачивала шпиндели на балконной двери. Закончив, вернулась к хозяйке.

– Бревном не вышибут, Зинаида Николаевна, конечно, ежели стекло порушат, так люди звон услышат, сбегутся, не посмеют, стало быть, не посмеют.

Райх прикрыла глаза, облегчённо вздохнула.

– Зиночка, а ты чего так напугалась этого лилипутистого, да я его, только пусть сунется, да я его ногтёй...

Райх открыла один глаз, усмехнулась.

– Ох и наивная ты, Лидушка, ох и наивная. Никак я из твоей наивной головушки деревню не выветрю. Никак. Этот лилипутистый, или, как

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.